

Образ советского военнопленного в исторической памяти немецкого общества и в историографии ФРГ, общественный и политический аспект.

(Публикуется в сокращенном виде, без сносок и примечаний. Статья опубликована полностью в ежегодном сборнике ИНИОН РАН за 2011 год).

Советские военнопленные составляют вторую после европейских евреев по количеству группу жертв Второй мировой войны. Согласно разным данным, в ходе боевых действий на советско-германском фронте в 1941-1945 годах в плен попало от 4,5 до 5,7 миллионов советских солдат и офицеров. Граждане СССР в военной форме расстреливались на обочинах дорог в ходе многонедельных пеших маршей. Они тяжело работали в каменных карьерах, шахтах и военных заводах, умирали от голода, холода, издевательств и эпидемий. До 3,5 миллионов военнослужащих Красной Армии погибло в немецком плену. Это составляет около 57% от общего числа попавших в плен, в то время как среди американских и британских военнопленных в германских лагерях смертность составила порядка 3,5%. В истории войн и человеческой цивилизации не было трагедии подобного масштаба. Тем не менее, судьба советских солдат за колючей проволокой была в течение десятилетий фактически забыта в послевоенной Германии. На это были причины историко-политического и общественного характера.

Если спросить рядовых немцев, например, в рамках уличного опроса, о жертвах нацистской тирании, то большинство в первую очередь рефлекторно назвали бы евреев. Это связано не только с чудовищностью и масштабом преступления нацистов в отношении еврейского народа, но и с особым положением в ряду жертв гитлеровского режима с учетом системы школьного образования ФРГ, проведения в рамках уроков истории специальных семинаров о Холокосте и коллективного посещения мемориалов на месте бывших концлагерей. Далее интервьюируемые прохожие назвали бы инвалидов, синти и рома, гомосексуалистов и политических противников НСДАП (коммунистов, социал-демократов, профсоюзных активистов и отдельных деятелей церкви). В историческом сознании послевоенной Германии и, не в последнюю очередь в немецкой исторической памяти, для советских военнопленных просто не было места. К. Шрайт, автор наиболее известной монографии о советских военнопленных в Германии «Они не товарищи», пишет: «Между судьбами советских пленных и судьбами евреев существуют явные параллели. Советский пленный как образ пострадавшего от нацизма долгие годы игнорировался как на Востоке, так и на Западе».

Германская историческая память, систематический анализ событий 1933-1945 годов, особый импульс которому дали студенческие волнения 1968 года и последовавшие за этим перемены в общественном сознании, считаются в мире образцовыми. От общественных процессов не отставала и германская историография. За прошедшие шесть послевоенных десятилетий были тщательно изучены практически все события и элементы, связанные с историей нацизма: Холокост как запланированное уничтожение евреев, факты военной истории, включая отдельные сражения и кампании, оккупационная политика Германии в Западной, Восточной и Южной Европе, структура институтов власти «Третьего Рейха» и так далее. Заметную роль в этом процессе в последние 20 лет играло использование для исследований

свидетельств очевидцев, oral history. После распада СССР немецкие историки получили доступ к закрытым ранее советским архивам. С конца 80-ых годов 20 века много написано и о принудительном труде гражданских лиц, в частности в военной промышленности Германии. Лишь библиография этих работ заняла бы отдельную книгу. Напротив, публикации о советских военнопленных во Второй мировой войне, изданные на немецком языке до 1990 года, можно поместить на одном листе бумаги. Почему?

Общественно-психологическое восприятие советских военнопленных в Западной Германии в качестве четко обозначенной группы жертв немецкой агрессии против Советского Союза подразумевает под собой два уровня. Во-первых, само слово «военнопленный» вызывало в ФРГ мгновенную, зачастую неосознанную аналогию с германскими солдатами в плену стран Антигитлеровской коалиции, в первую очередь с военнослужащими вермахта в советском плену. Это укоренившееся представление доминировало в быту и в литературе, причем даже после освобождения последней группы немецких военнопленных. Характерно, что сама комбинация слов «советский военнопленный» у многих немцев вызывает ассоциацию именно с германскими солдатами в советском плену, а не, как это подразумевает логика и семантика данного словосочетания, советскими солдатами в немецком плену. К. Петерс, немецкий историк и соавтор концепции первой выставки о судьбах советских военнопленных в Германии, делает вывод: «Соучастники преступления, военнослужащие вермахта, напавшие на СССР в 1941 году, «мутировали» в общественном сознании до статуса «жертв». Во-вторых, в ходе начавшейся «Холодной войны» и усиливавшейся конфронтации между Востоком и Западом к вышесказанному добавилось идеологическое отторжение. Даже образ жертвы, пленного советского солдата, обессиленного, беззащитного, не представляющего угрозы, оставался портретом солдата бывшей вражеской армии, которая и после войны все еще называлась «Советской». Советские военнопленные как группа пострадавших от нацизма образовывали своего рода антиполюс по отношению к жертвам войны из числа мирных жителей, подразумевали под собой потенциальную «опасность». В общем и целом, образ врага в лице «русского», «советского» не терял своей актуальности в Западной Германии в послевоенный период и связан был как с элементами латентной русофобии в некоторых слоях немецкого общества, так и с понятными геополитическими причинами. ФРГ вступило в НАТО и сделало ставку на вооружение Бундесвера. Бывшие генералы вермахта и разведывательных служб (достаточно назвать Гелена, Гудериана, Хойзингера и других) срочно требовались для новой германской армии и структур безопасности. Не случайно проект создания вооруженных сил Западной Германии, предложенный тремя бывшими генералами вермахта канцлеру Аденауэру в августе 1950 года, так и называлась «Воссоздание германского вермахта». Восток и Запад начал противостоять друг другу, используя идеологические стереотипы и клише. Исторические события и факты широко использовались в качестве пропаганды и контрпропаганды. Советский солдат в плену стал уже «нести» определенную смысловую нагрузку. ФРГ стало активно применять политику забвения в отношении красноармейцев за колючей проволокой.

Германский историк Э. Ройс, сын бывшего немецкого военнопленного, отмечает: «Если где-то в Западной Германии на памятнике можно было увидеть советскую звезду либо серп и молот, то в молодой Федеративной Республике эти «нелюбимые» символы тщательно удалялись. Если на мемориальной доске было названо количество жертв, то это количество тщательно проверялось. Если оно совершенно точно совпадало с архивными данными, то рядом прикреплялась новая доска с количеством жертв с немецкой стороны. Это был своего рода «ответный счет». Конкретный пример. В «шталлаге» Х Б в Зандбостеле «русские» являлись самой многочисленной группой среди погибших пленных союзных армий. Несколько десятков тысяч человек нашли в этом лагере свою смерть. Советские военнопленные выгружались на станциях Бремерфёрде и Бриллит и были вынуждены пешком шагать до лагеря. Один из жителей Энгео, городка неподалеку, позднее вспоминает: «Пленные были полностью истощены. Я бы назвал некоторых из них «полутрусами». Один

из пленных не мог идти. Конвойные стали избивать его прикладами винтовок. Затем кто-то из охраны ударил пленного штыком в спину. Бесчувственное тело было просто брошено на повозку... В яме возле одного из крестьянских хозяйств стонал русский. Молодой немецкий солдат приблизился к нему и стал избивать ногами. Затем он заколол пленного штыком». Об увиденном в Зандбостеле рассказал на Нюрнбергском процессе бывший французский военнопленный П. Розе: «Русские прибывали строем, в колонне по пять человек. Люди просто наталкивались друг на друга и падали, заставляя тем самым падать и соседа. Никто из них фактически не мог идти. Самое правильное название наверно будет «движущиеся скелеты». Почти все шурились, так как у пленных не было сил сфокусировать зрение. Они падали, целый ряд сразу. Немцы били их прикладами винтовок и плетками». В самом лагере советские военнопленные стояли на самой низкой ступени внутрилагерной иерархии. Даже со стороны товарищей по несчастью из других стран советские военнопленные не всегда воспринимались как товарищи в полном смысле этого слова. Советский военнопленный зачастую встречал отторжение или настороженную реакцию со стороны пленных солдат американской, британской, французской или канадской армии. Питание советских военнослужащих в плену было совершенно недостаточным для нормальной жизнедеятельности. Французский пленный позже рассказывал: «Эти бедные русские находились в таком состоянии, что не всегда могли адекватно воспринимать реальность, понимать, кто они и где находятся. Когда мы им давали небольшую часть нашего рациона, это вызывало страшные драки, которые немцы заканчивали стрельбой прямо в толпу людей. После такой стрельбы на земле всегда оставались трупы».

«Шталаг» X B в Зандбостеле был обычным лагерем для советских военнопленных. Обычным, в плане условий проживания, питания, жестокости охраны. 29 апреля 1945 года британские войска освободили заключенных лагеря. Вскоре после этого на территории бывшего лагерного кладбище был поставлен скромный советский обелиск. Надпись на трех языках гласила: «Здесь покоятся 46.000 советских солдат и офицеров, замученных в нацистском плену». Министерство внутренних дел федеральной земли Нижняя Саксония и администрация Бремерфёрде решили в 50-ые годы, что количество указанных жертв «сильно завышено». В 1956 году памятник был демонтирован. С тех пор на бывшей территории лагеря стоят три каменных монолита с надписью «Ваши жертвы – наша обязанность – мир». Вряд ли можно возразить против этих слов, но уже более 50 лет ничего не напоминает о том, что в Зандбостеле погибли десятки тысяч солдат и офицеров Красной Армии, граждан СССР.

Бывшие советские военнопленные не имели своего рода «лобби» в международной политике и внутри западногерманского общества. Неправительственные организации долгое время игнорировали их существование. Лишь в 70-ые годы, в период «оттепели» в отношениях Востока и Запада, значение идеологических стереотипов несколько уменьшилось. Началась, по словам Штрайта, «критическая проверка» устоявшихся представлений в исторической науке и обществе ФРГ. Это было связано, в первую очередь, с коренными изменениями в отношении западных немцев к собственной истории и являлось фактически одним из результатов «студенческой революции» 1968 года.

Нельзя сказать, что в наше время немецкая историография полностью обходит вниманием проблематику советских военнопленных. Работу Штрайта «Они не товарищи. Вермахт и советские военнопленные 1941-1945» можно назвать качественным прорывом в вопросе исследования данной проблематики. Эта книга вышла в 1978 году в Штутгарте и являлась измененным вариантом докторской диссертации автора, первой монографией в германоязычном пространстве, посвященной целиком и полностью пребыванию советских военнослужащих в немецком плену. Работа выдержала уже четыре измененных и дополненных издания и до сих пор является основным и наиболее цитируемым трудом в западноевропейской исторической литературе по данной проблематике. В 1981 году появилась вторая заметная монография А. Штрайма «Отношение к советским военнопленным в операции «Барбаросса» и так далее. Значительный вклад в дело

просвещения вносят в современной Германии локальные исторические изыскания местных краеведов. Практически в каждом регионе Германии в годы Второй мировой войны находился «шталаг», «офлаг» или лагерь другого типа, предназначенный для содержания советских военнопленных. (Достаточно сказать, что, например, в маленьком регионе Люнебургер Хайде на востоке страны, между реками Эльба и Вюмме, находилось сразу три крупных «лагеря для русских»: Витцендорф, Оэрбке и Берген-Бельзен). Миллионы граждан СССР работали в промышленности, сельском хозяйстве и в частных хозяйствах. Судьбы этих людей невольно стали частью истории того или иного субъекта современной ФРГ. В течение последних 20 лет вышло значительное количество монографий, посвященных отдельным местам заключения советских военнопленных, например, о лагерях Штукенброк/Зенне, Цайтхайн, Хаммельбург и так далее. Как правило, данные публикации осуществлялись по региональному принципу на базе мемориальных комплексов бывших лагерей или в рамках ограниченных во времени научных проектов. При этом необходимо отметить, что ряд заметных немецких специалистов в этой области, Р. Отто, К. Хюзер, Й. Остерло и другие, не принадлежат к числу историков, занимающихся исключительно написанием книг либо работающих в университетах. Все они являются сотрудниками мемориальных комплексов или музеев либо работают учителями истории в школах. Можно сказать, что исследование данной проблематики является для них хобби.

Для авторов публикаций соприкосновение с темой было довольно спонтанным. Р. Отто рассказывает о том, что в 1982 году один из его учеников обратился к нему с просьбой помочь в написании сочинения для конкурса молодежных исторических работ. Старшеклассник выбрал в качестве темы историю «шталага» 326 в Зенне. Он пожаловался на отсутствие литературы по этой теме. В библиотеках города ученику было заявлено, что в ближайшее время публикаций по данной проблематике даже не ожидается. Отто помог школьнику провести архивные исследования. В относительно короткий срок было найдено такое количество материалов, что не только указанный ученик написал качественную работу, получившую премию на конкурсе, но и сам Отто решил заняться научными исследованиями по данной теме.

Если оценить работы германских историков в области проблематики войны и плена в целом, необходимо отметить, что ими используются практически только немецкоязычные источники из материалов Федерального архива или Военно-исторического архива ФРГ, реже документы из локальных городских архивов Германии. Дополнительно используются американские источники, например, из Национального архива Вашингтона. С точки зрения исторической методологии, германские истории отталкиваются от «немецкой» перспективы, основываются на документах «преступников», т.е. собраний времен национал-социализма. Практически не используются советские документы, а также оригиналы воспоминаний бывших советских военнопленных, т.н. «oral history», т.е. взгляд глазами «жертв» преступлений. Затронутый в работах временной период ограничивается, как правило, датой освобождения лагеря или окончанием войны. Такие процессы как фильтрация освобожденных советских солдат и офицеров в лагерях, репрессии в форме принудительного труда, ссылки или тюремного заключения в отношении вернувшихся домой советских военнопленных практически не находят отражения в немецкой исторической литературе.

Тема «советские солдаты и офицеры в немецком плену» не является распространенным предложением лекций и семинаров в ВУЗах ФРГ. В период 2000-2006 годы лишь несколько университетов, таких как Берлинский Гумбольдский университет и университет Ганновера предлагали студентам исторических факультетов высказать свое мнение по данной проблематике. В 2000 году вышла отдельной книгой работа на соискание степени магистра автора Х. Мёллера „Массовая смерть и массовое уничтожение – «шталаг» 305 в Украине в 1941-1944 годах“. Однако, с учетом крайне малого тиража и высокой продажной цены (50 евро за брошюру в 55 страниц), это издание осталось почти незамеченным.

И, наконец, немаловажный аспект правового признания бывших советских военнопленных

со стороны правительственных структур ФРГ. Как известно, в 90-ых годах проводились раунды переговоров и общественные дебаты касательно выплат компенсации бывшим принудительным рабочим из стран Восточной Европы. Германская сторона пошла на компромисс не добровольно, а под давлением адвокатов и опасением крупных исков к ведущим немецким концернам, таким как Сименс, Фольксваген и Бош. В итоге, был выработан документ, под которым поставили подписи и полномочные представители России, Украины и Беларуси, и создан фонд выплаты компенсаций в размере 10 миллиардов марок, по 5 миллиардов из госбюджета и от ведущих предприятий немецкой экономики. В августе 2000 года немецкие специалисты оформили это соглашение в виде закона, принятого Бундестагом. Согласно §11, пункт 3 Федерального Закона «О создании Федерального фонда «Память, ответственность и будущее» бывшие советские военнопленные не являются правомочными претендентами на получение компенсации. В итоге, советские военнопленные лишились юридического статуса «принудительного рабочего», в отличие от гражданских принудительных рабочих, так называемых «остарбайтеров». Более 20.000 заявлений от бывших советских военнопленных из разных стран бывшего СССР были отклонены. По неофициальным высказываниям немецких политиков, переговорщики от стран СНГ не настаивали на включении бывших советских военнопленных в число правомочных получателей компенсации, в этом не была заинтересована и немецкая сторона. Лагерь для советских военнопленных не включены ни в список концлагерей, ни в дополнительный список «иных мест заключения», несмотря на то, что смертность в некоторых лагерях превышала смертность в Аушвице. До сих пор не принесены и формальные извинения бывшим советским военнопленным как отдельной группе пострадавших от нацизма. Достаточно сказать, что высшие официальные лица ФРГ, федеральный президент К. Вульф и президент Бундестага Н. Ламберт, впервые в истории современной Германии упомянули бывших советских пленных в качестве жертв нацизма только в январе 2011 года в торжественной речи к годовщине освобождения Аушвица.

В германском обществе события Второй мировой войны по-прежнему встречают неоднозначную оценку. Если агрессия нацистской Германии против стран Европы в целом и нацизм как идеология однозначно осуждается подавляющим количеством немцев, то касательно отдельных аспектов истории, в частности судеб советских военнопленных, встречаются определенные стереотипы, наследие «Холодной войны». В последние 15 лет в германской историографии и в работе общественных организаций страны был сделан качественный прорыв в области исследования проблематики войны и плена. Однако, до сих пор практически отсутствует литература, которая освещала бы путь советского солдата в немецком плену во всей его многогранности.

Об авторе: Дмитрий Стратиевский, историк и политолог, живет и работает в Германии. Автор публикаций о Второй мировой войне, принимает участие в ряде исследовательских проектов, связанных с новейшей историей Европы.